

СЮЗИ ЛИТТЛ

БЛОКАДНЫЙ ТАНЕЦ ЛЕНИНГРАДА

Сьюзи Литтл

Блокадный танец Ленинграда

Издательский дом "Проф-Пресс"

2023

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Литтл С.

Блокадный танец Ленинграда / С. Литтл — Издательский дом
"Проф-Пресс", 2023

ISBN 978-5-378-34313-3

Блокада Ленинграда — одна из самых скорбных страниц в истории нашей страны. Почти 900 дней враг нещадно обстреливал окружённый город, лишив его продовольственного снабжения. Более миллиона людей погибли от пуль и осколков, голода и болезней. Их трагедия навеки будет жить в нашей памяти, став символом стойкости и героизма для всех поколений потомков... Эта художественная книга, в которой описаны реальные события, повествует о непростом пути юной ученицы хореографического училища. Даша наравне со взрослыми переживала тяготы блокады и терпела лишения. Но несмотря на ужасы войны и травмы, девочка пронесла любовь к танцу через всю жизнь и смогла осуществить заветную мечту — она стала балериной!

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-378-34313-3

© Литтл С., 2023
© Издательский дом "Проф-Пресс", 2023

Содержание

1	6
2	9
3	10
4	13
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сьюзи Литтл

Блокадный танец Ленинграда

© Издательский дом «Проф-Пресс», составление, оформление, ил., 2023

© Сьюзи Литтл, текст, 2023

Всем жертвам блокады Ленинграда посвящается...

*И в ночи январской, беззвёздной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращённый из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.*

(А. Ахматова, «27 января 1944»)

1

Я часто прислушиваюсь к разговорам в общественных местах, самые интересные записываю в свой толстый блокнот. На всякий случай. Вдруг пригодится. Наблюдаю жизнь вокруг. Потому что я писатель и истории людей для меня – ценный клад, сокровищница, в которой я нахожу те самые неидеальные жемчужины для своих рассказов.

Недавно, во время творческой командировки в Санкт-Петербург, довелось побывать на балете в Мариинском театре. Давали знаменитую «Жизель». Мне посчастливилось приобрести билеты в бенуар. Это такой балкон возле сцены. Оттуда всё очень хорошо видно, и во время просмотра представления складывается впечатление, что ты сам находишься на сцене.

Рядом со мной сидели бабушка и внучка лет восьми. Худощавая дама в летах, довольно ухоженная, в перчатках шестидесятих годов прошлого века и юная леди со стрижкой каре и короткой чёлкой. Обе сидели с биноклями в руках и неотрывно следили за происходящим на сцене. Девчушка изредка что-то шептала бабушке на ухо, и та ей беззвучно отвечала. Эта пара меня очень заинтересовала, и я решил проследить за ними.

Во время антракта дамы отправились в буфет, где девочка взяла горячий шоколад и кусок лимонного пирога, а престарелая дама заказала себе обычный чай. Наблюдая за этой тихой парой, я не утерпел и решил навязаться.

– Добрый вечер, – подошёл к их столику с чашкой кофе в руках, – вы позволите присоединиться к вам?

– Не возражаем, присаживайтесь, – с лёгкой улыбкой ответила старшая дама.

– Меня зовут Виталий Леонидович Писарев, я писатель, – решил не тянуть со знакомством.

– Очень приятно, а меня зовут Дарья Сергеевна Донская, в прошлом балерина, сейчас на пенсии. А это, – кивком головы дама указала на девочку, – моя внучка Арина. Она занимается в балетной студии, когда исполнится десять лет, будет поступать в Вагановское училище.

При слове «писатель» Арина оживилась и принялась меня внимательно разглядывать. Даже о пироге с горячим шоколадом забыла, так и осталась сидеть с открытым ртом. Дарья Сергеевна легонько дотронулась до локтя внучки, чтобы та перестала так пристально смотреть на меня. Девочка поняла бабушкин жест и быстро пришла в себя.

– Очень приятно, – исправилась Ариша. – Я мечтаю стать балериной, как моя бабушка.

– Правда? Очень интересно. У вас это семейное? Ваша мама тоже балерина? – я подумал, что встретил представительниц целой династии балерин.

– Нет, маме больше точные науки нравятся. Она в институте преподаёт высшую математику. Это мы без балета жить не можем. Моя бабушка так любила танцевать, что и в блокаду не бросала занятия в балетном классе, несмотря на травму, – не без гордости сообщила Арина.

– Серьёзно? Вы пережили блокаду? – чувствуя, что наткнулся на уникальную историю, я переключил своё внимание на Дарью Сергеевну.

– Было дело, – тихо ответила моя новая знакомая. – Пришлось. Мне удалось выжить, и это главное.

– Бабушка столько всего рассказывала о том времени, когда немцы взяли город в кольцо и постоянно бомбили. Людям из-за этого нечего было есть. Все голодали, но врагу не сдались. Настоящие герои, – с восхищением тараторила Арина, видно, её эта тема очень занимала.

– Пей-ка лучше, а то антракт скоро закончится, – бабушка недовольно взглянула на внучку.

– Я бы тоже с большим удовольствием послушал историю твоей замечательной бабушки, если она согласится поделиться ею со мной.

Арина отпила шоколад, отчего у неё над верхней губой появились коричневые усы, и умоляюще посмотрела на бабушку:

– Бабуля, расскажи Виталию Леонидовичу про свою жизнь, он же писатель. Ему можно. Вдруг он книжку про тебя напишет.

– Не говори глупостей, – Дарья Сергеевна снова строго посмотрела на девочку.

– Отчего же глупости? – возразил я. – Очень даже может быть. Я собираю истории о Великой Отечественной войне и пишу рассказы для детей, чтобы подрастающее поколение помнило о тех страшных днях и не забывало своих героев.

– Ну что же, хорошее дело вы затеяли, – допивая свой чай, согласилась Дарья Сергеевна. – Раз так, приходите к нам завтра в гости, и я расскажу вам о том, как пережила блокаду.

С этими словами она достала из сумочки ручку, старенькую, потрёпанную записную книжку и черкнула адрес.

– Вот, возьмите, – Дарья Сергеевна вырвала листок из блокнота. – Завтра в пять вечера будем ждать вас на чай. Мы живём на станции «Удельная».

– Благодарю, обязательно приду, – я взял листок с адресом и положил во внутренний карман пиджака.

Здание театра залил пронзительный звонок, извещавший об окончании антракта и о том, что зрителям пора занять свои места. Втроём мы вернулись в бенуар и продолжили просмотр «Жизели». Когда балет закончился, я попрощался с новыми знакомыми и ещё долго провожал взглядом дам, удаляющихся в сторону улицы Глинки.

2

На следующий день я вышел из парадной дома, где снимал квартиру во время командировки. Улица была залита весенним солнечным светом, согревающим уставшую от холодных серых дней землю. Окинув взглядом двор, я заметил упитанного рыжего кота, вальяжно расположившегося на некрашеной деревянной лавке. Свесив хвост и лапы с края скамейки, котофей зажмурился, подставив солнышку свою щекастую усатую морду. Нет, он не спал: кот жадно втягивал ноздрями воздух, густо пропитанный запахом набухших почек, готовых вот-вот разродиться первыми зелёными листочками. Неподалёку, не обращая внимания на кота, бесстрашно прогуливались голуби в поисках незатейливой пищи.

Петербургские коты особенные. Местные жители их любят и уважают. Когда в истощённом блокадой Ленинграде почти перевелись коты, их привозили даже из Сибири. Несколько эшелонов животных доставили в город для борьбы с полчищами крыс, которых развелось столько, что они имели наглость нападать даже на ослабевших от голода людей. Целый десант котов в считанные дни избавил Ленинград от крысиной напасти. И люди им благодарны по сей день.

По примеру рыжего котейки я глубоко вдохнул сладковатый весенний воздух и отправился в сторону метро. Через час путешествия под землёй я уже был на «Удельной». По дороге в цветочном магазине купил букет чайных роз для старшей дамы и жёлтые, источающие яркий аромат тюльпаны для юной. В натёртой до блеска витрине кондитерской разглядел украшенный кремовыми мимозами торт. Не идти же в гости с пустыми руками!

В назначенный час я вошёл в парадную дома, где проживают мои вчерашние знакомые. Перед дверью немного заволновался: вдруг они забыли о встрече? Но мой нос уловил запах ванильной выпечки, исходивший из квартиры, и волнение испарилось само собой: помнят, ждут. Облегчённо выдохнул и нажал на звонок. Дверь открыла Арина.

Меня радушно приняли и усадили в гостиной за круглым столом с цветастой скатертью пить чай. Стены в этой комнате были сплошь в балетных афишах разных лет. За ними небольшими островками выглядывали старенькие потёртые обои, наклеенные, очевидно, ещё в конце прошлого века.

– Бабушка, почему ты не начинаешь рассказывать? – нетерпеливо ёрзала на стуле Арина.

– Да я не знаю, с чего начать, – пожала плечами Дарья Сергеевна.

– А давайте с самого начала, – подсказал я. – Вы во время войны в другом месте жили, наверно?

– Недалеко отсюда, – подтвердила моя рассказчица. – Мы жили в старом двухэтажном бараке на Фермском шоссе, в доме № 36.

3

Я родилась в деревянном бараке, построенном ещё при царе Александре III. До революции в нём жили два врача, а после его определили для сотрудников психиатрической больницы имени большевика И.И. Скворцова-Степанова. В народе её называли «Скворешня». Дом призрения душевнобольных находился в нескольких минутах ходьбы от дома. Мама, бабушка, дедушка, тётя и дядя работали в этой больнице, а папа трудился на заводе «Светлана». Там производили лампочки.

Весь барак, первый и второй этажи, занимала наша большая семья. Он представлял собой коммуналку с отдельными комнатами, двумя общими кухнями и входами, ванной и туалетом. До войны мы готовили на буржуйках, топили дровами. К дому была пристроена небольшая дровница. А уже после войны нам провели газ.

В нашей с родителями комнате помещались комод, шкаф, железная кровать, стол и круглая печка-буржуйка. Бабушка с дедушкой жили в соседней комнате, и я постоянно бегала к ним. Ещё через комнату жила мамина сестра со своим мужем и дочкой Вале́й, моей младшей двоюродной сестричкой.

Родители много работали, и мне часто приходилось сидеть дома одной под незорким присмотром взрослых родственников, которые в тот момент находились дома, не на дежурстве. Временами бабушка или тётя заглядывали в комнату, чтобы справиться, как у меня дела. Просунут голову через приоткрытую дверь, убедятся, что со мной всё в порядке, и исчезнут вновь.

В обед прибежала из больницы мама. Покормит меня и обязательно посадит на колени, прижмёт к груди и поцелует в макушку. Мне нравилось сидеть у мамы на коленях и прислушиваться, как бьётся у неё сердце. Обвивала её шею своими ручонками, целовала в щёку и, заранее зная ответ, но в тайне надеясь, умоляла её:

– Мамочка, милая, можно сегодня ты останешься дома и не пойдёшь на работу? Прошу...

Мать привычно вздыхала, целовала меня ещё раз и отрывала мои руки от себя.

– Нет, детка, ты же знаешь, что мне нужно бежать на работу. Дома сидеть нельзя. Но ты ведь умница и всё понимаешь. Тихонечко поиграй, послушай патефон, а когда я вернусь, мы с тобой вместе драников нажарим. Хорошо?

Мама гладила напоследок мою белокурую головку и снова убегала в больницу. А я оставалась одна ждать, когда вернутся с работы родители.

Помимо двух кукол, в моём распоряжении был патефон, кем-то подаренный родителям на свадьбу. К нему прилагалось целое сокровище из шести изрядно потрёпанных грампластинок. Среди них были записи современных песен и целые концерты Чайковского и Прокофьева. После обеда я всегда включала родительский патефон и, затаив дыхание, слушала музыку, льющуюся из незатейливого приспособления. А ещё я под него плясала.

Почти с пелёнок при звуках музыки я начинала танцевать: могла двигаться без остановки, полностью отдаваясь власти мелодии, пока иголка патефона не доходила до конца и вместо музыки не раздавалось противное, режущее уши шипение. Так протекали мои дни.

Однажды, когда мне было пять лет, вернувшаяся пораньше с работы мама застала меня за любимым занятием. Я закрыла глаза и кружилась по комнате. Мама не стала меня звать, тихо села на стул и молча наблюдала.

– Дашенька, как хорошо ты двигаешься! – с восхищением сказала мама, как только закончилась музыка. – У тебя же талант!

После ужина она попросила меня повторить танец в присутствии папы. Они многозначительно переглянулись, после того как я закончила, и через несколько дней, придя, как обычно, в обед, мама взяла меня за руку и вывела на улицу. Мы сели в трамвай. Мама достала из своей

сумки большой кусок расстегая с рыбой и дала мне. Я принялась с аппетитом есть и заодно поинтересовалась:

– А куда мы едем, мам?

– Ешь спокойно и не болтай ногами. Скоро узнаешь, – тихо ответила мама, и я принялась разглядывать проплывающие дома в трамвайном окне, уплетая свой расстегай.

Меня показали учителю балетных танцев, который давал частные уроки на дому. Оценив мои детские телодвижения под музыку, Леопольд Исаакович остался доволен и согласился со мной работать. Это были тяжёлые занятия, во время которых меня безжалостно сажали на шпагат, растягивали стопы, – всё довольно мучительно. Но несмотря на боли в мышцах, я очень любила заниматься у этого мастера. Он учил меня классическому танцу, готовя к поступлению в балетную школу. Помимо меня, уроки брали и другие девочки. Нас было десять. Своего рода небольшая танцевальная труппа.

Раз в полгода Леопольд Исаакович устраивал показательные выступления для наших родных. В небольшой зале расставлялись стулья с высокими спинками для зрителей, и мы показывали им маленькие постановки. Это были первые выступления на импровизированной сцене танцевального класса. Мы всегда волновались перед премьерами, ожидая похвалы, восторженных взглядов и оваций со стороны самых главных людей в жизни – родителей.

В 10 лет я выдержала вступительные туры в балетное училище. Это было не так уж сложно, ведь я жила и дышала танцем.

4

Балетный класс – это источник магии. Каждый раз, когда учитель показывает юным танцорам новое движение, происходит волшебство. Абсолютно все стоят затаив дыхание и, боясь моргнуть, заворожённо следят за педагогом. Каждый изгиб тела, каждая напряжённая мышца не останется без внимания пытливого глаза ученика.

В классе я всегда стремилась к идеалу. Размявшись, оттачивала новые элементы, доводя до совершенства. В скором времени я была в числе лучших учениц, которые непременно стоят рядом с фортепиано. Чем ближе ты к инструменту, тем выше ценятся твои способности. Настал тот день, когда меня поставили первой. Радости и гордости не было предела. Я много работала над тем, чтобы занять эту позицию, и мечта сбылась. Теперь оставалось только удержаться. И два года мне это удавалось.

Потом случилась беда. В третьем классе, когда за окном буйствовала декабрьская метель и мне минуло почти двенадцать лет, во время занятия, особенно сильно вытянув ногу на станке, я вдруг почувствовала резкую боль. Сразу в двух местах – в колене и в области бедра. Упав на пол, я не смогла самостоятельно подняться. Педагог пригласила школьного врача. Медик осмотрела меня и вызвала неотложку. На скорой меня отвезли в больницу, где, после рентгена и прочих исследований, выяснилось, что у меня множественные разрывы менисков и губы тазобедренного сустава. Травма была связана с перенагрузкой и, как стало понятно позже, врождённой дисплазией соединительной ткани. Врачи поставили крест на танцах. Они настоятельно требовали, чтобы я ушла из балетной школы.

– Ты же не хочешь годам к тридцати стать инвалидом? – строгий врач склонился и сурово посмотрел на меня.

Ничего ему не ответила. Насупилась и отвернулась к стенке. О жизни без балета не хотела слышать. Внутри было лишь отчаяние. Огромная досада из-за того, что родилась с каким-то дефектом в ногах, что неудачно потянулась и заработала серьёзную травму, которая вывела меня из строя, и неизвестно, сколько времени придётся лежать на больничной койке. Послушать врача и бросить балет, которым бредила, даже не думала. В груди собрался большой комок, который давил и рвался наружу. Когда врачи и медсёстры закончили манипуляции и оставили меня одну в палате, я не выдержала и разрыдалась.

Примерно через два часа после того, как я оказалась в больнице, прибежала мама. Завуч нашей школы позвонила ей на работу и сообщила о случившемся. Быстро разузнав, куда меня отвезли, она отпросилась и приехала ко мне. Именно её любви, заботы и поддержки мне так не хватало в тот момент.

– Mamochka! – сквозь туман слёз я увидела в дверях палаты мать и протянула к ней руки.

Врачи уже описали во всех красках мои травмы и наказали её убедить меня бросить занятия балетом. Но моя мама, милая мамочка, была полностью на моей стороне. Чтобы я делала без её веры и помощи?! Наверное, стала бы самым несчастным ребёнком на свете с разбившейся в один миг мечтой.

– Не волнуйся, детка, всё будет хорошо. Я сделаю всё, чтобы помочь тебе. Нам очень повезло, что я работаю санитаркой в больнице, смогу тебя выходить. Твои ножки заживут, и ты снова будешь танцевать.

Почувствовав такую мощную поддержку от мамы, я успокоилась и довольно быстро пошла на поправку. Меня даже не расстроило, что Новый год придётся встретить в стенах больницы.

В отделении травматологии для нас нарядили ёлку и устроили большой концерт.

Аккуратно усадив на кресло-каталку, полноватая санитарка отвезла меня в зал, где уже расположились вокруг нарядно украшенной ёлки другие маленькие пациенты. К нам пришёл

хор из соседнего дома культуры и спел песни, кто-то прочитал стихи. А потом заглянули Дед Мороз со Снегурочкой и раздали подарки. Небольшие свёртки с конфетами.

В больнице скучать не пришлось. Каждый день после школы меня навещали одноклассницы и приносили домашние задания, чтобы я не отстала по основным предметам. Все члены моей большой семьи по очереди приходили ко мне. Бабушка, дедушка, тётя с мужем и младшей двоюродной сестрёнкой и, конечно же, мама с папой не забывали обо мне ни на день. Все утешали и верили, что я снова смогу вернуться в балетный класс. А я не верила – я знала, что обязательно вернусь. Но до сих пор не представляю, что бы я делала без их участия.

Пришёл день выписки. Врачи требовали, чтобы я ещё месяц провела дома, лёжа на кровати. И я лежала в нашей комнате, хорошо натопленной железной печкой-буржуйкой, и ждала вечера, когда вернётся мама. Уставшая после смены, она мыла руки и прижималась к моему лицу холодной щекой, ещё не согревшейся после мороза. Я жадно втягивала ноздрями остатки зимних запахов улицы и крепко обнимала её.

– Начнём? – устало спрашивала мама и потихоньку начинала разминать мышцы на моих ногах.

По сорок минут каждый вечер она растирала мои ноги, разогревая застоявшиеся за время болезни мышцы. Закончив, мама уходила на кухню, чтобы приготовить ужин к возвращению папы. Так прошла зима.

В конце февраля я вернулась в класс и снова встала у станка. Далеко от фортепиано. Было жутко обидно быть в последних рядах, после того как на протяжении двух лет неизменно была первой. Травма в один день отбросила меня назад. Но ничего нельзя было поделать. Пришлось взять себя в руки и начинать всё сначала. Мои ноги, связки, мышцы с трудом вспоминали былые навыки. Всю весну я пыталась догнать не только одноклассниц, но и себя прежнюю. Это было нелегко. Участковый врач, который продолжил наблюдать меня после выписки из больницы, рекомендовал не перегружать ноги излишними занятиями, чтобы избежать повторных травм. Но я всё равно тайком после уроков возвращалась в опустевший класс и ещё час занималась одна.

Весна пролетела очень быстро, и я не заметила, как наступило лето 1941 года. Учеников распустили на летние каникулы. Я была упрямой и не прекращала заниматься. Так надеялась, что в сентябре вернусь в класс и покажу своему педагогу всё, на что способна, и меня вернут на прежнее место к фортепиано.

Но ничего из этого не случилось, не сбылось. 22 июня 1941 года Ленинград замер возле репродукторов и громкоговорителей. Все затихли, придавленные голосом Левитана, объявившем о начале войны. Я помню, как лица мужчин потемнели, стали жёсткими, серьёзными, многие женщины заплакали. И мама тоже. Глядя на неё, обычно весёлую и жизнерадостную, а сейчас безнадёжно качающую головой, я поняла, что случилось что-то очень страшное.

5

Город обрёл суровое лицо. Напрягся весь, ошетинился кошкой, готовящейся к прыжку. Началась эвакуация. Музеи старались сохранить культурные ценности, в Эрмитаже снимали картины, бережно упаковали в холщовые тряпки и стали вывозить подальше от немецких захватчиков. Насыпали в мешки песок и обкладывали ими памятники, которых так много в культурной столице. Эвакуировали даже предприятия. На заводе «Светлана», где работал папа, демонтировали все станки и вместе с рабочими вывезли в Новосибирск. Помню, как он пришёл домой и сообщил, что по приказу ему нужно уезжать. Будет трудиться там.

– Как обустроюсь, размещусь в общежитии, «выпишу» вас, – обнимал плачущую мать отец, но она не успокаивалась, всё рыдала. – Слышишь, я заберу вас отсюда.

Глядя на маму и папу, разревелась и я. Не смогла справиться с подступившим комом к горлу, подбежала к обнявшимся родителям и заплакала в голос. Тяжело было прощаться с родным человеком. Никогда ещё папа не жил отдельно, а теперь война разлучает. Он обещал нас забрать к себе в Новосибирск, но когда немцы сомкнули вокруг Ленинграда кольцо, это стало невозможно.

Больницу № 3 для душевнобольных также эвакуировали вместе с пациентами. Санитаров не взяли, поэтому мама, тётя и бабушка с дедушкой остались в Ленинграде ждать дальнейших указаний свыше.

Эвакуировали всех, кого могли. Юных балерин, учениц хореографического училища, тоже решили вывезти, чтобы девочки могли там, далеко в тылу, продолжать заниматься танцами. 5 июля воспитанников младших классов вместе с директором Ревеккой Борисовной Хаскиной и частью педагогов эвакуировали из Ленинграда в пионерский лагерь под Костромой. Чтобы не пугать детей, родители говорили, что их везут на отдых, а к началу занятий все вернутся домой. Ребята верили и с лёгким сердцем, распевая пионерские песни, садились в автобусы.

Меня мама не захотела отпускать, сказала, что мои ноги не совсем окрепли после травмы, и поскольку теперь она осталась без работы, будет больше заниматься со мной восстановлением.

19 августа в город Молотов отправили и старших воспитанников вместе со своими педагогами. В Ленинграде осталась лишь меньшая часть преподавателей и учеников, и те по очереди несли круглосуточное дежурство в здании училища. Танец с началом блокады не умер. Учащиеся под руководством Лидии Семёновны Тагер давали шефские концерты для воинов. Я тоже была в их числе. Помимо танцев, мы, дети, участвовали в строительстве оборонных сооружений, вступили в отряд пожарной охраны МПВО (местной противовоздушной обороны).

Гитлер считал мой родной город ядовитым гнездом, который, по его мнению, должен исчезнуть с лица земли. По его приказу немецкие солдаты приступили к бесчеловечным действиям. Началось самое страшное. Первую воздушную тревогу объявили уже 23 июня 1941 года. Ленинград обстреливали артиллерией, бомбили с самолётов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.